

ЭТАПЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА И СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ФОЛЬКЛОРЕ

Гутова Ляна Адамовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), lyanagut@bk.ru

В статье рассматривается проблема отражения в фольклоре социализации личности в традиционном адыгском обществе, причем с учетом половозрастных и социальных различий. Устанавливается, что в разные возрастные периоды интенсивность участия личности в функционировании всего общества различна. До достижения физиологической зрелости процесс социализации идет в целом по восходящей. Происходит накопление знаний и навыков вхождения человека в общество, первые случаи собственного участия в деятельности социума, что отражено как этнографическими, так и фольклорными материалами. В данной стадии жанры устного поэтического творчества выступают как источники познаний и обретения положительных навыков коммуникации. Вступление в брак оказывается этапным как для мужчины, так и для женщины. Однако если для него это знаменует достижения апогея социальной активности, то женщина со вступлением в брак отрешается от прямого участия в жизни общества и концентрирует внимание на воспитании детей и ведении домашнего хозяйства. При достижении преклонного возраста происходит обратный процесс: мужчина частично отходит от активной общественной деятельности, женщина же более, чем ранее, вовлекается в нее.

Ключевые слова: социализация, этнография, фольклор, социум, социальная активность, этапы социализации личности.

Поступательное освоение человеком основных правил и норм поведения в среде, обозначаемой научным термином «традиционные общество», оказывается процессом многоступенчатым. По сути, уже первые контакты с окружающим миром и близкими людьми являются началом его адаптации в обществе, которое призвано являться для него своим. Даже некоторые записи произведений из числа колыбельных песен или песен, сопровождающих первые шаги ребенка, рассмотренных нами ранее, призваны внедрить в сознание потенциального адресата определенные стереотипы, представляющие собой идеальные образы активного полноценного члена общества. Очевидно, что подобные мотивы носят отнюдь не случайный характер, и их присутствие ориентировано на внедрение в сознание индивида тех идеальных принципов поведения и еще на бессознательном уровне внушить те высокие личностные достоинства, обретение которых поможет человеку в будущем занять достойное место в данной среде. В песнях, которые адресуются мальчикам, это образ или могучего воина-защитника и благородного наездника, могучего предводителя. Если объект внимания происходит по рождению из простонародья, в песне создается образ неутомимого труженика-кормильца, который пашет на сказочно могучих быках, собирает фантастические урожаи, мастерски владеет каким-либо ремеслом, щедро раздает нуждающимся и всем членам общества плоды своего мирного труда. Когда же песня предназначена для исполнения у колыбели девочки, превозносятся ее идеальная красота, кротость,

тонкое знание этикета, остроумия, преданность. Однако надо учитывать, что в фольклоре, функционально ориентированном на ранний этап жизненного цикла, практическая социализация не всегда является доминирующей задачей. Здесь, как представляется, более уместно говорить о магическом вызывании или предрекании на будущее при помощи слов, мелодии и иногда моторных действий таких благ, а вернее достоинств, которые в данной среде традиционно почитаются идеальными. На передний план функция социализации выдвигается в фольклоре, ориентированном на подростков, которые в силу своего физиологического развития и соответственно своему возрасту уже способны не только свободно передвигаться, бегать, прыгать, выполнять отдельные упражнения или поручения, но уже имеют достаточно четкое представление о мире с его важнейшими духовными ценностями и могут свободно изъясняться в общении. Это достигается на определенной стадии жизненного цикла благодаря соответствующей возрасту свободной речи и мыслительным способностям.

Достоин внимания, что социализация личности как процесс протяжен во времени и фактически продолжается чуть ли не с самого младенческого возраста течение всей жизни, хотя и с неодинаковой степенью интенсивности. Естественно, участие личности в функционировании социума связана с этапами жизненного цикла, что находит художественно переосмысленное отражение в жанрах народного поэтического творчества. Как одну из характерных особенностей исследователи отмечают в нарративных жанрах фольклора необычно раннюю социализацию эпического и иногда сказочного героя. Это один из самых популярных мотивов в мировом устно-поэтическом творчестве, а в героических сказаниях и сказочном эпосе адыгов он имеет множество форм конкретного воплощения. Так, например, для нартского эпоса, где циклы сказаний группируются по принципу «эпической биографии», весьма типично, чтобы юный богатырь рос с такой быстротой, которая соответствует мировой универсалии «не по дням, а по часам».

Так, например, герои архаического нартского эпоса Батраз и Ашамез проявляют чудесную силу еще в колыбели. Первый, всего лишь потянувшись, ломает торец и бока крепкой колыбели и не просто тут же выходит из нее и начинает ходить, а сразу крепко становится на ноги, выбегает на середину, «вращаясь подобно волчку» [Адыгэ пшынальэ 1992: 30–35], то есть он преисполнен недюжинной энергии. Проявление столь чудесного богатырского свойства оборачивается для него неожиданно причиной отчуждения от родного дома: испугавшись, что такой богатырь в будущем может причинить много бед, младенца укладывают в корзину или короб и бросают в воду (реку или море). Течение приносит его к пастушескому стану, пастухи его вылавливают из воды и держат у себя вдали от людей «семь лет», в течение которых он, соответственно тому же принципу «не по дням, а по часам», становится зрелым мужчиной [Адыгэ пшынальэ 1992: 30–35]. Но и этот временной промежуток несколько условен: за семь лет герой не просто вырастает, но превращается в богатыря, который способен одолеть взрослого противника, а впоследствии противостоять целому обществу и даже устрашать его. Другой персонаж, Ашамез, также восстает из колыбели и начинает вращаться. Мало того, эпический герой сразу после появления на свет оказывается готовым к совершению взрослых подвигов [Фольклор адыгов... 1979: 106]. Правда, между младенческим периодом и деяниями, которые должны быть под силу лишь взрослому богатырю, в ряде случаев помещается некий «буфер»: юный герой вначале отправляется туда, где на льду играют нартские дети, вступает с ними в конфликт и нещадно расправляется с большой партией мальчиков, которые намного старше его самого. Но это надо рассматривать в качестве не самостоятельного подвига, а только своего рода прелюдии к последующим событиям. Характерно, что нартский богатырь, несмотря на свою юность, превосходит силой, умом и мужеством не только ватагу мальчишек, но и самых славных взрослых воинов

[Фольклор адыгов... 1979: 105–121]. Нарт Батраз мстит за гибель своего отца, но, не останавливаясь на этом, он в стремлении к безусловному признанию настолько сильно устрашает все сообщество нартских воинов-богатырей, что ставит их в безвыходное и намеренно унижительное положение. Это можно рассматривать как выражение тенденции к высшей ступени социализации. Ашамез, восстав из колыбели, в тот же день расправляется с несметным числом мальчишек, узнает о судьбе своего отца, обретает богатырское оружие и боевого коня, а затем отправляется совершать подвиг, который оказался не под силу целой партии лучших нартских наездников. В данном случае можно говорить не просто о подвиге, а целой цепи подвигов – усмирение богатырского коня и оружия, переправа через фантастически широкую реку, добывание табуна лошадей, принадлежавших его кровному врагу. Далее он вступает в поединок с врагом, одерживает победу над ним и женится на его супруге-волшебнице. При этом поединок длится в течение нескольких дней, совершает кровную месть, хотя не без использования хитрости (но к ней он прибегает исключительно в ответ на коварство противной стороны), забирает все имущество побежденного и – что немаловажно – привозит в качестве воинской добычи супругу противника. Последнее призвано венчать всю цепочку подвигов. Таким образом, оказывается, что герой всего нескольких дней от роду не только совершает один из подвигов, но преодолевает целый цикл испытаний, завершающийся обретением жены, и этим в одном сказании органично соединяются два универсальных фольклорных мотива – кровная месть и богатырское сватовство. Очевидно, что это одна из художественных интерпретаций мотива инициации героя. Получается, что в одном лиро-эпическом сказании, пшинатле об Ашамезе, спрессован целый комплекс таких сюжетных универсалий, как рождение, богатырское детство, фактически первый выход за пределы родного дома, один из ключевых в эпической системе богатырских подвигов и фактически полная социализация героя. Для нас особенно важно, что в цикле Ашамеза эта жизненная стадия представлена в одном сказании, в котором повествование завершается привозом невесты. Важно отметить, что композиционно пшинатль построен таким образом, что контаминации почти не замечаются: в сказании фактически нет побочных сюжетных линий, отвлекающих внимание от основной канвы повествования текст произведения представляет собой стройное изложение истории о том, как герой отомстил за гибель своего отца. Это можно воспринимать как художественное осмысление полного и относительно заверщенного важного этапа жизненного цикла, восходящего к серии инициальных испытаний и этим символически венчающий процесс вхождения личности во взрослое сообщество. В эпическом произведении это описано в предельно сжатой форме.

В младшем эпосе, который в отличие от архаических по типу нартских сказаний более ориентирован на полную достоверность событийной основы сказаний и песен, герой Андемиркан также проявляет признаки богатырства еще в младенчестве: согласно одной из популярных версий он был принесен огромным орлом, что символизирует небесную природу и светлую силу, крик ребенка устрашает бывалых наездников, а его дерзость отпугивает коршуна, желавшего выклевать глаза младенцу [Андемыркъан. Адыгэ лӀыхъужь эпос: 2002]. В силу более реалистической событийной основы подавляющего большинства сюжетов в младшем эпосе этот герой уже не может так фантастически быстро «повзрослеть». Поэтому, несмотря на чудесные свойства, проявляющиеся у него в младенческом возрасте, согласно прозаическому нарративному компоненту цикла главный персонаж, к моменту своего первого отправления в поход и совершения первого подвига пребывает в отрочестве. По некоторым версиям, ему лет четырнадцать-пятнадцать, иногда меньше, двенадцать, что трудно сопоставимо с быстротой роста нарта Ашамеза, хотя к этому времени он характеризуется внешне совсем взрослым.

В сказаниях о герое исторических преданий Жабаги Казаноко [Сказания о Жабаги Казаноко 2001], персонаже еще более позднем, которого даже к персонажам историко-героического эпоса данный образ правомерно относить только в некоторых сказаниях из множества, посвященных ему, ситуация находит свое оригинальное разрешение. Правда, мотив быстрого роста очевиден и здесь, но он преподносится в сильно модифицированном варианте. Конкретная форма объективации его трансформируется неожиданным образом. Герой не совершает воинского подвига и не отмечен физическим ростом и богатырской силой. Его ампула – необычайная мудрость. Что и проявляется в раннем возрасте. Дело в том, что Жабаги – персонаж, имеющий реального прототипа, жившего на рубеже XVII–XVIII столетий, он хорошо известен как выдающийся реформатор общественного устройства и как дальновидный дипломат. Относительно такого исключительного героя мотив, берущий свое начало в древних мифологических представлениях, уже не может быть задействован близко к его начальной форме. Кроме того, «полифонический» по природе фольклорный и исторический Казаноко более известен не воинскими подвигами, а деятельностью, нетипичной для воинского сообщества, она чаще всего связана с более мирной интеллектуальной сферой. Поэтому его «быстрый рост» как фольклорный мотив призван соответствовать новому ампула, что и выражается в конкретном воплощении первого подвига: герой проявляет впервые себя не как воин-богатырь, а как не по годам прозорливый судья, способный по справедливости разрешить задачу, которая оказалась не по силам даже признанному, умудренному годами судье, который до этого пользовался непрерываемым авторитетом во всей Кабарде. Очевидна параллель: в нартском эпосе юный герой совершает богатырский подвиг: он расправляется с врагом, которого не могут одолеть испытанные бывалые воины, а в цикле сказаний о Жабаги герой-отрок решает задачу не воинскую, а интеллектуальную, оказавшуюся не по зубам признанному великовозрастному мудрецу. В обоих случаях налицо необычайно ранняя социализация личности, хотя пути ее наступления принципиально различны.

Приведенными примерами убедительно подтверждается, что для фольклора, в особенности для богатырского эпоса, типична предельно ранняя социализация героя, во всяком случае – весьма раннее начало ее. Иногда это трансформируется в явление, которое в фольклорной поэтике называется эффектом неожиданности: юный герой вырастает (опять же «не по дням, а по часам») в глубокой тайне от взрослого общества богатырей, неожиданно для взрослых членов воинского сообщества появляется на хасе, собрании нартов, но обязательно – в нужный и решающий момент. причем никому не известным незнакомцем. Он в единый миг совершает свой богатырский подвиг, символизирующий появление в нартском обществе могучего богатыря, какого ранее не было, и уезжает так же быстро, как и прибыл. Подобная ранняя социализация имеет свою художественную заданность и призвана пробудить в юных слушателях стремление к самостоятельности и как можно более скорому внедрению в общество как его полноправного члена. При этом нередко акт выхода героя в общество сопряжен с пересмотром устоявшихся правил или суждений, и это придает образу героя черты нестандартной, субверсивной личности, решительно разрушающей сложившиеся стереотипы [Гутов 2018: 117–131]. Эта черта оказывается характерной для персонажа и позднее, на более активной стадии его социализации.

Если под социализацией понимать не только осознание принадлежности к своей семье или – если взять несколько шире – к своей близкой и дальней родне, то этот процесс начинается уже с выходом ребенка в круг своих сверстников или таких же детей, но даже старших по возрасту. В их числе могут оказаться не только близкие по крови, но и лица, совершенно чужие для него по крови. Тем не менее, в своей совокупности они образуют определенную, пусть и не всегда

устойчивую, социальную группу. Ее модель еще не полностью аналогична модели взрослого человеческого общества, но это все же свое организованное сообщество, характеризующее собственными типологическими признаками. Дети образуют социальную единицу, функционирующую по определенным неписаным, но относительно устойчивым правилам, где важное место занимают традиции. В ней впервые проявляются признаки самостоятельного саморегулирования общества относительно разнородной группы людей, объединенных по определенным внешним признакам. Условно это можно назвать первым, хотя не всегда рельефно выраженным, этапом социализации личности. На этом этапе уже проявляются родовые особенности различного свойства, например, признаки социально-классовой стратификации. Немаловажно то, что у всех адыгских субэтнических групп существовало единое правило – институт аталычества. Представители привилегированных сословий воспитывали своих детей не сами, а препоручали это наиболее надежной во всех отношениях семье, часто из числа своих подданных или же связанных с главой семейства узами дружбы и взаимного доверия. Зачастую функции воспитателей-аталыков доставались чете, проживающей в отдаленной местности, и связанной с настоящими родителями или прямым добрым знакомством, или отношениями вассалитета. До настоящего времени нет твердо определенного мнения о природе и главной причине возникновения аталычества. Очевидным представляется следующее. Воспитатели обычно выбирались из сословия, стоящего на иерархической лестнице ниже семьи самого воспитанника. Но при этом они должны были отвечать определенным требованиям: не быть из среды сословия крепостных или дворовых людей, пользоваться безупречной репутацией, хорошо знать этикет, иметь определенное состояние. Если в семье воспитателей были свои дети, то воспитанник (кан) и хозяйские дети росли вместе, ничем не разделяясь и даже считаясь братьями или братом и сестрой. В фольклоре нет произведений какого бы то ни было жанра или жанровой разновидности, специально отражающей этот социальный институт. Но в разных песнях и преданиях аталычество отражено как довольно популярное явление. Можно считать, что оно использовалось как средство формирования не просто отдельных личностей, а определенной части общества, имеющей достаточно суровое до аскетизма и целенаправленно ориентированное воспитание. Отдаленность от близкой родни способствовала формированию довольно суровой и вольной, социально активной личности, несмотря на сакрализованное вековыми традициями отношение к родителям.

Во многом благодаря системе социализации, основанной на воспитании поколений целого сословия, определяющего векторы общественной жизни, в адыгской среде на протяжении столетий функционировал институт наездничества, а типологически – рыцарства с характерными для него иногда особыми понятиями о добре и благородстве, о чести и достоинстве как приоритетных категориях в системе взаимоотношений. Воспитанные в спартанских условиях, чаще всего дистанцированные от родителей в пору формирования личности и потому чуждые нежного отношения к родителям и ближайшей кровной родне, приученные не к трепетной любви и тонкостям душевных переживаний, а к обожествлению суровых рыцарских идеалов, вчерашние воспитанники составляли у себя на исторической родине нечто подобное египетским мамлюкам; но с той разницей, что в мамлюкской среде все же налицо были более демократические принципы функционирования социального лифта. В адыгской среде воспитанник с почтением относился к своему воспитателю на протяжении всей последующей жизни и ставил аталыка на один для себя уровень с родным отцом, а всю его семью с собственной. Но во всем остальном он оставался аристократом, ставящим себя на иерархической лестнице выше, чем все, кто по своему происхождению стоял на ней ниже его самого.

Возвращаясь к отражению в адыгском фольклоре проблемы социализации формирующейся личности, надо заметить, что в данном плане задействованы

разные жанры устнопоэтического творчества. Можно разделить фольклорные произведения, независимо от жанра, на те, которые ориентированы на проблему прямым образом, и на те, которые затрагивают ее по мере решения каких-либо других проблем. Разумеется, например, в жанре притчи наиболее вероятно проявление прямых установок на определенный ракурс формирования личности. Но это никак не значит, что предание или героическая песня не обращают на это никакого внимания.

Как мы отмечали выше, интенсивность процесса социализации может быть различной на разных стадиях жизненного цикла, и по данной причине сама она может быть подразделена на этапы. Если признать начальным периодом этого процесса отрезок от раннего детства до вступления во взрослую среду, то аксиоматично, что одним из важнейших этапов, следующим за ним и оказывающим решающее влияние на всю последующую жизнь, является вступление в брак и комплекс действий, которые с ним связаны. Вне зависимости от социального статуса и пола личности брак оказывается одним из самых важных этапов, если не самым важным, во всем жизненном цикле человека, способным провести в его биографии четкую линию «до» и «после».

Что примечательно, с точки зрения отношения к социальной среде на судьбы женщины и мужчины этот водораздел воздействует по-разному. Относительно участия юношей и девушек в делах общественного характера первые признаки различий намечаются уже в добрачный период. В этнической культуре это наиболее очевидно обозначается дифференциацией по роду занятий. Тем не менее, надо признать. Что в добрачном периоде жизненного цикла есть отрезок, характеризующий фактически равноправным участием девушек и юношей на семейных и общественных торжествах, на мероприятиях, имеющих отношение к проблемам всего общества. Правда, ни те, ни другие не полноправны при решении вопросов, касающихся целого коллектива, ибо это традиционно является прерогативой или старейшин мужского пола, или даже только взрослых мужчин, чаще всего из привилегированного сословия. В то же время, однако, юноши до своей женитьбы должны были проявить себя с большей очевидностью для всего общества, для чего требовалось не только демонстрация тех или иных умений, знания этикета, мастерства в красноречии и т.п. Это выводило молодого человека на широкую социальную арену, чем складывалось в комплекс испытаний инициального характера. Без успешного выхода и без широкого признания в обществе он бы не мог рассчитывать на успешную партию в предстоящем сватовстве.

Незамужние девушки также имели возможность влияния на процессы в общественной жизни, причем не только участием на всякого рода коллективных мероприятиях, но иногда и прямым воздействием на ход тех или иных событий. В данном плане прежде всего обращает на себя внимание фольклорный образ девы-воительницы, которая принимает участие в сражениях, походах, молодецких набегах. Примеры женщин данного типа представлены уже в архаическом эпосе. Это мать нарта Бадиного, которая в одиночку расправляется с целым иноземным войском, пришедшим воевать на землю нартов, а также таинственный гость нарта Шауея. Правда, в большинстве случаев женщины-воительницы облачены в мужское платье и соратникам представляются вначале как мужчины, но тайна впоследствии раскрывается ими же самими, и из воина они превращаются в невесту героя. Такой сюжетный ход встречается не только в героическом эпосе, но и в сказке [Лопатинский 189: 51–77].

В плане социальной активности немаловажную функцию выполняли так называемые девичьи дома или девичьи комнаты – отдельные строения или помещения с отдельным входом в комплексе строений семьи, где имела девушка добрачного или брачного возраста. Там молодежь имела возможность свободно общаться, устраивать игрища, учиться разным искусствам, совершенствоваться в

знании тонкостей поведения в обществе, приобщаться к истории и культуре своего народа, в чем важную роль играли песни, предания, эпические повествования, другие жанры фольклора. Тем самым девичьи дома или комнаты становились своего рода центрами приобщения к традиционным духовным ценностям всего общества, практических знаний и навыков, социально мотивированных видов искусства. Если ее «салон» пользовался популярностью и признанием, девушка могла прославиться на весь край, и это стимулировало ее престиж как будущей невесты. Это нашло прямое отражение, например, в песне и предании о Куле-красавице: ее тонкий ум, знание этикета, умение держать себя в обществе, другие достоинства создали ей такую славу, что в ее доме собирались, и только наиболее дерзкие из них рисковали посвататься, самые славные наездники со всего края [НПИНА 1990: 396–400]. В другом цикле историко-героического эпоса рассказывается о том, как в разгар Кавказской войны один из воинов-наездников посватался к девушке, имя которой так же было прославлено в крае. Девушка не отказала жениху, но поставила ему условие, в социальном плане вполне соответствующее ситуации, – раздобыть в качестве платы за нее пушку из вражеской крепости [НПИНА 1990: 89–91]. Данное обстоятельство не совсем согласуется с прямым участием в судьбах всего общества, но в то же время нельзя отрицать и однозначной ориентированности девушки, причем не воительницы, на интересы не личные, а общественные.

С выходом замуж женщина была призвана ограничить круг своих интересов семьей, воспитанием детей, заботой о муже и других домочадцах. Прямое участие в общественной жизни отходило на второй план. Она уже не могла, даже облачившись в мужское платье, участвовать в воинских предприятиях. Также не имела права содержать девичий дом, тем более, не имела права голоса при принятии решений, касающихся судеб всего общества. Однако показательна в данном плане одна притча, связанная с именем легендарного Жабаги Казаного.

Как гласит сказание, мудрец приветствовал вставанием и наклоном головы проходящую мимо девочку. Присутствующие при этом почтенные старцы упрекнули его за неподобающие почести какой-то девчонке, на что Жабаги резонно ответил, что он оказывает внимание не просто девчонке, а будущему поколению, так как в скором времени эта девочка вырастет, войдет в чей-то дом, принесет туда свое понимание чести и достоинства, станет матерью и будет воспитывать своих детей, то есть людей нового поколения, в духе того, какое отношение она сама видела от других [Гутов 1998: 53]. Сюжет интересен в данном случае тем, что в нем отражается роль женщины в формировании здорового общества, несмотря на всю сложность отношения к ней в ранние и поздние времена феодального строя.

Вступление в брак мужчины несколько не снижало его роли в жизни социума. Если до женитьбы он проявлял активность в качестве претендента на достойное место в кругу взрослых членов общества, то после нее он обретал это место во всей полноте. Естественно, что при этом социальная активность несколько не снижалась, а, напротив, более активизировалась. В адыгских преданиях и богатырских сказках типичным местом является отбытие героя-молодожена сразу после завершения свадебных церемоний в длительный поход, чем он символически отмечает свой новый статус. Если его предприятие оказывалось успешным, то всю свою добычу он раздаривал, не оставляя себе ничего. Этим он символически отмечал свой новый статус. Именно во время подобного отсутствия героя его жену похищает чужеземец в упомянутой выше сказке о красавице Елене, что в мировой литературе известно по «Илиаде» Гомера.

С женитьбы начинается у мужчины период самого активного участия в жизни всего общества. Он достигает наибольшего умения в воинских предприятиях и сочетает опыт с энергией еще не утраченной молодости: на общественных собраниях при решении важных вопросов его слово может иметь решающее

воздействие. Этот период завершается только с возрастом или получением тяжелого увечья, а нередко и гибелью. В течение всего этого важного отрезка жизненного цикла для настоящего наездника считалось недостойным много дней подряд проводить в кругу своей семьи, он должен был находиться в разъездах, в воинских походах, в мероприятиях по охране своего общества от неприятелей. Военные трофеи или охотничья добыча щедро раздавались членам общества, чем увеличивалась в глазах общества репутация героя. По достижении преклонного возраста мужчина из разряда воинов-наездников несколько дистанцировался от регулярного участия в таких предприятиях как воинские и охотничьи кампании, начинал уделять больше времени семье, личному хозяйству, хотя полностью от общественных дел не отходил. Это явление меньше выражено у лиц мирных занятий – ремесленников, представителей простолюдов. Со временем он и вовсе отказывался от привычного образа жизни, которую он вел с самой молодости. Его участие в общественных делах сводилось к содержанию гостиницы, хачеши, который нередко выполнял роль места обсуждения общественных проблем, активного функционирования традиций, передачи обмена новостями, демонстрации различных видов искусства. Но это уже несравнимо с той степенью участия в общественной жизни, которая налицо в предыдущей стадии жизненного цикла.

Женщина, которая со времени выхода замуж фактически не принимала прямого активного участия в общественной жизни (ей было фактически запрещено посещать общинные и семейные празднества, разного рода вечеринки), по достижении преклонного возраста, напротив, получала реальную возможность заметно активизироваться после того, как она переступала стадию детопроизводства, а подростки ее дети переставали нуждаться в ее прямой опеке. Во внутрисемейной иерархии она превращается из покорной исполнительницы воли мужа и старшей женщины в доме в полноправную распорядительницу. Под ее началом находятся дочери, несовершеннолетние сыновья, другие младшие домочадцы, а если сын или сыновья женаты, то также и невестка или невестки. Во вторых, она получает право посещать различные торжества, нередко – быть приглашенной на семейные или общинные празднества в качестве почтенной гостьи или одной из распорядительниц, участниц ритуалов. Естественно, о равных правах с мужчиной говорить не приходится, но возможность ее непосредственного участия в общественных празднествах свидетельствует о бесспорном подъеме социальной значимости женщины на новую ступень. Ее положение еще более укреплялось, когда она оставалась в статусе старейшины рода или семьи. Подобное было естественным в условиях, когда мужчины, проводившие большую часть своей жизни в опасностях, уходили из жизни, не достигнув старости. В эпосе это довольно рельефно отражено в образе Сатаней-гуаши, мудрой, всеведущей и вечно прекрасной наставницы нартских богатырей, к которой за советом обращаются самые славные герои в трудную минуту. Естественно, что это сугубо вымышленный персонаж, связанный с древнейшими мифологическими представлениями. Но, как можно судить, появление его в фольклоре имело свои реальные основания.

Таким образом, можно заключить, что социализация личности в традиционном обществе это процесс протяженный во времени. Помимо того, это процесс, имеющий свои циклы большей или меньшей интенсивности, причем различающиеся в жизни мужчины и женщины. По тому, какой из периодов представляет наибольшую значимость для характеристики личности, происходит и ее итоговая оценка в сознании социума. Человек, запечатлевшийся в коллективной памяти как личность, знаковая для всего общества, нередко становится героем преданий, песен, меморатов. Его образ, попав в фольклорный обиход, со временем обретает черты идеального героя, подвергается своего рода типизации и в таком качестве продолжает и после завершения своего земного пути оказывать влияние на определенную часть общества как пример, образец, истинный герой. Лицо,

общественный статус которого был значительно ниже, имел больше перспективы оставаться в памяти лишь прямых потомков, родственников и друзей. Вероятность попадания такого лица в номенклатуру фольклорных героев была гораздо ниже.

Источники и литература

1. Адыгэ лыхъужь эпос. Андемыркъан / Зыгъ. КъардэнгъуцI Зырамыкущ. Налшык: Эльбрус, 2002. 372 н.
2. Адыгэ пшынальэ / Зэхэзылхъар КъардэнгъуцI З. Налшык: Эльбрус, 1991. 224 н.
3. Гугова А.М. Этюды о кавказском этикете. Налчык: Эльбрус, 1998. 128 с.
4. Лопатинский Л.Г. Кабардинское сказание «Красавица Елена и богатырь-женщина» по сравнению с эпосом Гомера и сказаниями других народов // Известия Бакинского университета. Отделение гуманитарных наук. Т. I. Баку, 1921. С. 175–196.
5. НПИНА 1990 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 2. М.: Советский композитор, 1990. 488 с.
6. Сказания о Жабаги Казаноко. Тексты / сост. З.М. Налоева и А.М. Гугова. Налчык: Эль-фа, 2001. 332 с.

STAGES OF THE LIFE CYCLE AND SOCIALIZATION OF THE INDIVIDUAL IN FOLKLORE

Gutova Lyana Adamovna, Candidate of Philology, Senior Researcher Adyghe Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), lyanagut@bk.ru

The article deals with the problem of reflecting the socialization of the individual in the traditional Adyghe society in folklore, taking into account gender, age and class differences. It is established that in different age periods, the intensity of individual participation in the functioning of the entire society is different. Before reaching physiological maturity, the process of socialization is generally ascending. There is an accumulation of knowledge and skills of entering a person into society, the first cases of their own participation in the activities of society, which is reflected in both ethnographic and folklore materials. At this stage, the genres of oral poetry are sources of knowledge and positive communication skills. Marriage is a milestone for both men and women. However, if this marks the apogee of social activity for the man, then the woman with marriage renounces direct participation in society and focuses on raising children and running the household. When human reaches old age, the opposite process occurs: the man partially withdraws from active social activities, while the woman is more involved in it than before.

Keywords: socialization, ethnography, folklore, society, social activity, stages of personality socialization.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-91-99